

К ТЕОРИИ ПОТОКОВЫХ СТРУКТУР

Автор: Д. В. ИВАНОВ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович - доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (E-mail: dvi1967@gmail.com).

Аннотация. Авторская позиция основана на том, что развитие современной социологической теории привело к поискам решения посредством понятия потока. Показаны преимущества и характеристики этого подхода, возможности применения. Раскрыта актуальность теории потоковых структур как альтернативы теоретизированию, которое сводит поиски выхода к выбору между креативностью акторов и детерминизмом структур.

Ключевые слова: теория социологическая * теории интегративные * сетевые концепции * теория неинституциональная * поток, понятие * потоковые структуры

Социологическая теория во второй половине XX века развивалась на основе проблематизации соотношения индивидуального действия и социальных структур, и дебаты вокруг схоластической по сути проблемы "что первично?" вылились в парадигмальный кризис, результатом чего стало то разнообразие теоретико-методологических подходов, которое мы наблюдаем в сегодняшней социологии. Стремление преодолеть кризис стимулировало создание интегративных теорий, построенных на принципах относительной истинности конкурирующих подходов и взаимной обусловленности действий и структур. Среди интегративных теорий наиболее значительными стали теория структуриации Э. Гидденса, конструктивистский структурализм П. Бурдьё, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Однако, несмотря на популярность, которую приобрели в социологическом сообществе теории Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, прежде созданные парадигмы не утратили влияния. Усилия по интеграции обернулись лишь усугублением ситуации мультипарадигмальности в социологии [Иванов, 2006: 136 - 137].

На фоне малорезультативных попыток "окончательного", но "мирного" решения застарелой проблемы "структура или действие?" более перспективным в теоретическом плане и более востребованным в прикладных исследованиях оказалось другое направление - разработка концепции сетей. В социологии предметный сдвиг к сетям, начавшийся в конце 1980-х годов, стал результатом двойного давления агентностного фундаментализма и структурального прагматизма на ритуальную конфигурацию "структура - действие" (structure - agency). Агентностный фундаментализм, представленный в социологии, например, Дж. Коулменом, заменяет детерминирующую роль структур как внеиндивидуальных нормативных систем рациональным выбором индивидов, которые взаимодействуют избирательно и поддерживают взаимодействия на основе доверия между участниками [Coleman, 1990]. В результате агентность индивидов предстает как их способность создавать социальные сети, в которых взаимодействия селективны, требуют доверия (и, следовательно, взаимной идентификации и оценки репутации участников) и устойчивы во времени. Для сторонников агентностного фундаментализма сети оказываются легитимным предметом для социологии, поскольку в них нет распространяемой на все ситуации тотальной нормативности институтов, но все же больше нормативности и структурности, чем в микроскопически

социальных интеракциях, обусловленных лишь ситуативными и индивидуальными интерпретациями участников взаимодействия.

Структуральный прагматизм также сдвигает предмет социологии от макроструктур к сетям, но это движение идет не столько под лозунгом "детерминизм мертв", сколько под девизом "структуры мертвы, да здравствуют структуры". Показательна в этом отношении теория сетевого общества М. Кастельса, в которой термином "сеть" объединяются все актуальные тенденции изменения структур: от индустриальных к постиндустриальным, от локальных к глобальным, от реальных к виртуальным [Castells, 2000]. Гибкие, селективные и поддерживаемые в большей степени символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети являют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но и не редуцируемую к агентности.

Сеть как своего рода мезосоциальный феномен вклинивается в проблемный континуум "*микро - макро*" между интеракциями и нормативными системами. Отношения между участниками сети в этом контексте оказываются чем-то совершенно новым и открывают перспективу исследования новых структур в давно известных явлениях, поскольку не сводят их ни к индивидуальным мотивам, ни к институционально диктуемым паттернам. Именно в таком качестве сети и были заново "открыты" в социологии [Castells, 2000; Granovetter, 1983; Latour, 1996b]. В результате предметная конфигурация социологической теории к концу XX века образовала континуум "*интеракции - сети - институты*".

Такой же по своей логике сдвиг к сетям произошел чуть раньше в неинституциональной теории, теперь активно проникающей из экономики в социологию и другие социогуманитарные дисциплины. Здесь феномен отношенческой контрактации (relational contracting), описанный в 1980-х годах О. Уильямсоном [Williamson, 1985], стал к 1990-м осмысливаться на основе понятия сети, которая вклинивается в привычный континуум "*рынок - иерархия*" [Powell, 1990]. Предметная конфигурация анализа экономических и управленческих структур предстает теперь как континуум "*рынки - сети - иерархии*".

Сеть - хорошее концептуальное решение для мира, в котором институты виртуализируются и участие в коммуникациях столь существенно. Но сетевой анализ дает лишь топологию социальных явлений, в которой ключевые элементы - узлы и связи образуют картину сложившегося положения. Сеть дает модель пространственного распределения, статики, но не динамики социальных явлений. Она дает фиксацию отношений, но не отслеживание процессов. Сеть с характеризующими ее узлами и связями скорее является инфраструктурой исследуемых процессов, а не собственно процессами. Эту концептуальную недостаточность метафоры сети "продвинутые" социологи осознают, как, например, Б. Латур, пытающийся заменить термин "*network*" неологизмом "*worknet*", чтобы показать: сеть с ее узлами и связями - это "следы плетения", а предметом должен стать сам процесс - работа по "плетению" [Latour, 2005].

В поисках лучшего концептуального решения "продвинутые" члены социологического сообщества приходят к понятию потока. Метафора потока появилась в 1990-х годах практически одновременно у нескольких теоретиков как концептуальное решение, дополняющее метафору сети и привносящее необходимый динамизм. С. Лэш и Дж. Урри в своей теории экономики знаков определили современный глобальный порядок как "структуру потоков", а определяющие для этого порядка информационные и коммуникационные структуры как "связанные в сети потоки" (networked flows) [Lash, Urry, 1994]. А. Аппадурай ввел представление о "глобальном культурном потоке", конституируемом потоками людей, машинерии, денег, образов, идей [Appadurai, 1990; 1996]. М. Кастельс в рамках своего анализа сетевого общества предложил теорию "пространства потоков" как материальной организации одновременных социальных практик, осуществляемых посредством потоков [Castells, 2000]. Б. Латур в своей акторно-сетевой теории предложил даже акторов рассматривать не как "фик-

сированные сущности" (fixed entities), но как "потoki", то есть непрерывные последовательности действий, обеспечивающие объективацию и идентификацию акторов [Latour, 1996b].

Определения потоков, которыми первоначально оперировали социологи, дают в большей степени пространственные характеристики. В этих определениях больше топографии, чем собственно социологии. Потоки рассматриваются как движения людей, машинерии, денег, образов, идей *через прежде непроницаемые границы* [Appadurai, 1990: 296 - 297], как *пересечение границ* массами людей, образов, информации, денег, отходов [Urry, 2000: 36], или как повторяющиеся последовательности обменов *между физически разделенными позициями*, занимаемыми акторами в экономических, политических и символических структурах [Castells, 2000: 442].

От первых интуиций и дефиниций теоретики попытались перейти к парадигмальной концептуализации потоков. В этом отношении показательна статья Р. Шилдса "Потоки как новая парадигма" [Shields, 1997]. Шилдс дает перечень характеристик потоков как новой универсальной модели социальности, исходя из того, что "потоки пространственны, темпоральны, но прежде всего, материальны" [Shields, 1997: 2]. В этой концепции главными характеристиками потока выступают "вектор" как направленность и "вязкость" как "степень материальности". Такому подходу, акцентирующему направленность и материальность, противостоит подход, представленный К. Кнорр-Цетиной в **исследовании** социальных структур, возникающих в результате развития глобальных финансовых рынков [Knorr Cetina, Preda, 2007]. Изучение технологий обмена информацией и коммуникативных паттернов приводит к выводу о том, что финансовые рынки темпорализуются, а сети как механизм координации, построенный на отношениях, связывающих акторов, и на селекции, отбирающих акторов как участников коммуникации, все больше замещаются новым механизмом. Этот механизм координации характеризуется аккумуляцией данных, их представлением одновременно всем участникам коммуникации и непрерывным обновлением данных. Этим механизмом координации создается потоковый рынок (flow market). Кнорр-Цетина противопоставляет "потоковую реальность" (текущую и темпоральную) "повседневной реальности" (пространственной, материальной и длительной). В данной концепции потока акцентируются такие характеристики как изменчивость и темпоральность [Knorr Cetina, Preda, 2007: 129 - 130]. Признавая, что обычным среди социологов стало представление о потоках, акцентирующее их пространственность (как в теории мобильностей Дж. Урри), Кнорр-Цетина подчеркивает, что ее подход, акцентирующий темпоральность, ближе к концепции текучести структур в духе З. Баумана [Bauman, 2000].

Таким образом, в социологии оформились два подхода к концептуализации потоков. Их объединение позволяет развить в социологии общее представление о потоковом характере, то есть о подвижности, устремленности и темпоральности структур.

Определение потоковых структур должно основываться на том интуитивно достигнутом представлении, которое объединяет приведенные выше определения: поток - это всегда движение *через*. Традиционные социальные структуры представляют собой разграничения. Институты и группы четко фиксируют и ограничивают зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет привлекающее внимание социологов движение - перемещение вещей, людей, идей и т.д. Потоки ортогональны традиционным социальным структурам и потому образуют пересекающие границы *транструктуры*. По отношению к ритму жизни, задаваемому социальными структурами, потоки диахронны (не в смысле историчности, а в буквальном смысле движения сквозь время) и потому нарушают привычный ход и дозировку событий, создавая *трансобытийность*.

Поток любого рода описывается тремя характеристиками: направленность, плотность, интенсивность.

Направленность потока возникает от того, что в данной среде существует *градиент*. До сих пор в социальных науках термин "градиент" обычно использовали для

обозначения статистически выявляемого нарастания значения исследуемого параметра от одной статусной группы к другой [Henry, 2003; McDonough et al., 1999; Pampel, 2002]. Вообще градиент-это векторная функция $\text{grad } \varphi(P)$, определяющая направление наискорейшего изменения скалярного поля φ в точке P . В природе, например, градиент давления воздуха приводит к возникновению ветра и определяет его направление, а градиент температуры вызывает процесс теплоотдачи. Пользуясь общим определением градиента, можно увидеть, как в поле экономики градиент инвестиционных ожиданий обуславливает направленность финансового потока, а градиент уровня жизни - миграционного потока. Аналогичным образом, можно видеть, как в поле культуры градиенты разных ценностных ориентаций и идентичностей приводят к возникновению потоков коммуникаций, идущих к немногим дальним, но "своим" в обход многих ближних, но "чужих". Именно движение, устремленное по градиенту, вопреки наличию в среде традиционных структур, создает те узлы и связи, которыми характеризуются сетевые структуры. Поточковые структуры - это те самые процессы "плетения", "следы" которых Латур находит в устоявшихся сетях. Концепция поточковых структур позволяет увидеть процесс(ность) сетей и понять, как и почему сети образуют интеробъективную "социальность по Латуру" [Latour, 1996a; 1996b; 2005]. Поточковые структуры предстают как "умные", потому что они интенциональны, и как "деятельные", потому что они подвижные и проникающие. Но это не акторы и не актаны, обладающие субъектностью, а устремленные и темпоральные структуры.

Плотность потока определяется количеством вещей, людей, сообщений и т.п., единомоментно проходящих через данную точку в данном направлении. Плотность делает поток воспринимаемым, создает опыт потока как реальности. Плотность потоков сегодня играет роль традиционной материальности и вызывает те эффекты, которые создают гиперреальную "социальность по Бодрийяру" [Baudrillard, 1994] и коммуникативную "социальность по Лиотару" [Lyotard, 1984]. В модели Бодрийяра концентрация и циркулярное движение товаров и потребителей в гипермаркетах или сообщений в сетях СМИ приводят к возникновению гиперреальности симулякров, более насыщенной и вовлекающей, чем пришедшая в упадок традиционная социальная реальность. В модели Лиотара индивиды стремятся участвовать в большем числе языковых игр потому, что с распадом "социальных агрегатов" статус превратился из фиксированного положения в системе разделения труда в пункт, через который проходят коммуникации. Приобретение и поддержание статуса теперь - это включение такого пункта в сети, превращение его в важный или центральный, что определяется плотностью коммуникаций. Таким образом, и бодрийяровская "гиперреальность", и лиотаровские "игроки" в равной мере оказываются поточковыми структурами.

Интенсивность потока определяется количеством вещей, людей, сообщений и т.п., проходящим через точку за выбранный период времени в данном направлении при данной плотности потока. Высокая интенсивность обеспечивает непрерывность процесса или ритмичность событий, превращая тем самым динамику и изменение в структурность. Именно высокоинтенсивные поточковые структуры создают такие феномены, как детерриториальная "социальность по Аппадурай" [Appadurai, 1990; 1996]. В модели Аппадурай потоки мигрантов, денег, товаров и медийных образов формируют транснациональные сети финансовых отношений и этнокультурных идентичностей, которые становятся не привязанными к территории глобальными социокультурными пространствами. Структурность таких пространств, в которых агенты размещаются и перемещаются вопреки территориальному разграничению национальных государств, поддерживается до тех пор, пока потоки не прерываются. И структурный контраст "глобальности" и "локальности", столь часто осмысливаемый географически, идеологически и политически, оказывается темпоральным контрастом - различием в степени интенсивности потоков.

В начале XXI века возможности применения концепции потоков расширяются по мере того, как развиваются специфические структуры сверхновой экономики и

сверхновых движений. Сверхновая экономика приходит на смену так называемой новой экономики конца прошлого столетия, когда набирает силу глэм-капитализм, для которого характерно превращение гламура, возникшего первоначально как специфическая эстетика и стиль жизни, в универсальную логику производства товаров, создания организационных структур, операций на финансовых рынках [Иванов, 2011; 2008a]. Гламур превращается в ресурс и конкурентное преимущество на рынках, перенасыщенных уже не только продуктами, но и брендами, где прибыли интенсивно извлекаются из трендов, и где товар должен быть агрессивно красивым, чтобы быть актуальным. Сдвиг от капитализации брендов к капитализации трендов приводит к трансформации ключевых структур капитализма - рынка и фирмы, в которых во все возрастающей степени проявляются характерные черты потоков: направленность, подвижность, темпоральность.

Развитие глэм-капитализма, суть - опережающий рост сверхновых индустрий - гламуроемких отраслей, каждая из которых объединяет множество предприятий очень разных по продукту и технологии, но одинаковых по методам имплантации гламура в товар или услугу. Например, производство автомобиля, телефона или кожаной сумки оказывается в одной отрасли - индустрии роскоши, если они - гламуроемкие продукты от Porsche, Vertu, Louis Vuitton. Помимо индустрии роскоши, примерами гламурных *трансиндустрий* могут служить индустрии гостеприимства, моды, красоты и т.п. Сверхновые индустрии - это не столько привычно организованные отрасли, сколько тренды, стилизованные под социально-экономические институты. Интенсивно создаваемые и активно рекламируемые профессиональные ассоциации, выставки и конференции, специальные издания и учебные курсы и т.п. конструируют общую идентичность очень разных, но причастных к одному тренду рыночных сегментов и агентов и тем самым придают тренду вид устойчивой социально-экономической структуры. Таким образом, индустрии в сверхновой экономике представляют собой *трансструктуры*, пронизывающие статичные институциональные границы и формирующие не традиционно понимаемые предприятия и рынки, а движения производителей и потребителей.

Следуя логике глэм-капитализма, ведущие компании стремятся создавать тренды, а главное сделаться трендом, и поэтому они изменяют организационные структуры и взаимодействия так, что теперь организационные решения и процедуры ориентированы не на построение сильного бренда - устойчивой идентичности, отграниченной от других, а на скорейшее попадание в лидеры рынка, на создание актуальности. В результате возникают структуры, которые можно назвать *гламурно-промышленным комплексом* (далее - ГПК). ГПК - это структура, объединяющая в один процесс создания тренда решения производителей, работающих в индустрии моды дизайнеров, креативных потребителей.

ГПК можно рассматривать как *трансструктуру*, которую образуют движения участников и потоки коммуникаций, скоординированные между собой и нарушающие привычные границы - между рынками, между брендами и между фирмой (организацией) и сообществом креативных потребителей. ГПК "размывает" привычные границы между брендами и создает *трансбрендовые* продукты. Например, мобильные телефоны "Motorola - Dolce&Gabbana", ноутбуки "Acer - Ferrari" или автомобили "Hyundai - Prada". ГПК "размывает" также границу между фирмой и ее рынком и создает *транссети*, при помощи которых эксплуатирует не только традиционных работников, но и креативных потребителей. Те потребители, которые стремятся быть частью тренда, с энтузиазмом входят в сетевые сообщества, вносящие вклад в развитие и распространение продуктов и брендов того или иного ГПК.

Во всех тенденциях глэм-капитализма можно заметить общую характерную черту: нарушение границ, образуемых привычной социальностью. Институты, паттерны взаимодействий, группы, общности четко фиксируют и ограничивают диапазоны ожидания *разных действий* и зоны ответственности *разных структур*. Глэм-индустрии, гламурно-промышленные комплексы, сообщества креативных потребителей возникают

как *транзакции* и *транструктуры*, выходящие за пределы ожиданий, пронизывающие институциональные, организационные, групповые и прочие разграничительные линии и создающие потоковые структуры, которые идут вразрез с привычной ориентацией действий и конфигурацией социальных структур.

Альтернативу экспансии гламура в экономике и обществе в последние годы создают сверхновые движения, участники которых не принимают логику гламура и бунтуют против подчинения тому, что считают подменой реального изображаемым. "Пиратов", хакеров, футбольных фанатов, антиглобалистов и прочие подобные движения удобно называть сверхновыми, чтобы отличать от так называемых "новых социальных движений". Во-первых, объединяемые словом "новые" экологические, антивоенные, молодежные, феминистские, правозащитные движения за полвека существования утратили новизну и сейчас поглощены гламуром или вытеснены им на периферию общественной жизни вместе со своей социальной базой - традиционным средним слоем. Во-вторых, нынешние "партизаны" бизнеса и политики, подобно вспышкам сверхновых звезд, создают движения катастрофичные и одноразовые. Они хаотичны, конфликтны, brutальны, а не упорядочены, ненасильственны, благообразны. Они событийны, а не рутинны. Возвращая "грубую" реальность вещей и действий в перенасыщенные имиджами и коммуникациями экономику и политику, сверхновые движения не возвращают в них привычную социальность как интегрированность, нормативность, солидарность. Скорее они создают альтерсоциальность - альтернативу и антисоциальному гламуру, и традиционно понимаемой социальности. И в этой альтерсоциальности проявляют себя характерные для потоков черты: направленность, подвижность, темпоральность.

Таким образом, потоки с характерными для них направленностью, плотностью, интенсивностью служат хорошей концептуальной основой для исследования целого ряда явлений, "социальность" которых не вписывается в рамки привычной социологии. Потоковые структуры могут сменить неактуальные конфигурации агентностей и структур в теории потому, что в нашем интенсивном настоящем фиксированность положения и установленность пределов все чаще вытесняются устремленностью и темпоральностью.

Теория потоковых структур актуальна в мире, где вместо постоянных ценностных ориентаций и идентичностей жизнь людей все чаще структурируют проекты. Проектная логика жизни характерна теперь не только для бизнесменов, но для большинства людей, вовлеченных в диктуемую культурой потребления - консьюмеризмом гонку за показателями успешности. Проекты как ограниченные по времени целевые программы деятельности быстро сменяют один другой и задают тот режим краткосрочных фаз активности и вовлеченности, в котором индивиды стремятся к результатам в карьере, образовании, отдыхе, развлечениях и даже в семейной жизни.

Теория потоковых структур становится наиболее уместным аналитическим инструментом, когда структурную определенность вместо институтов обеспечивают тренды, генерируемые на потребительских рынках сверхновыми индустриями и постоянно обновляемыми продуктами от ГПК, а на политических аренах - "ребрендингом" привычных партий и чередой презентаций мегапроектов. Вместо характерного для институтов повторения привычных образцов (паттернов) предсказуемость и упорядоченность поступков и ситуаций обеспечиваются характерным для потоковых структур непрерывным обновлением целей и ориентиров деятельности.

Теория потоковых структур нужна там, где вместо групп объединяют людей ивенты¹, превращая их в участников общего дела, будь то организуемые для работников компании мероприятия по поддержанию корпоративного духа, флэш-мобы поклонников постмодернистского искусства и противников глобального капитализма или brutальные акции в исполнении футбольных фанатов. Вместо регулярных и рутинных контактов в постоянных по составу и месту функциониру-

¹ От англ. *event* - событие.

Рис. 1. Аналитическое поле для актуальной социологии

вания коллективах соприсутствие и сопричастность обеспечиваются разовыми, но интенсивными по динамике действий событиями, скоординированными через сети коммуникаций.

Теория потоковых структур необходима и для объяснения современного неравенства, когда вместо статичного разделения на имущих и неимущих возникает неодинаковая динамика потребления с разделением на сейчас-имущих и потом-имущих. В обществе массового потребления, где обладание предметом быстро перестает быть индикатором статуса, как это произошло с автомобилем, затем с персональным компьютером и теперь с мобильным телефоном и модными брендами, имеет смысл вместо стратификации рассматривать *эшелонирование*. В то время, как потребители второго и третьего эшелонов дожидаются сезона распродаж и приобретают подержанные вещи, лидеры консьюмеризма могут не только переходить к следующей фазе потребления, но и, пройдя пик в этой потребительской гонке, становятся дауншифтерами². Появление людей, которые, будучи преуспевающими бизнесменами и профессионалами, целенаправленно оставляют карьеру и переходят к пониженному уровню потребления, стратификационный подход с его категориями вертикальной мобильности объяснить не в состоянии. А вот концепция потоковых структур дает логичное объяснение их парадоксальной стратегии: *опускаясь* по стратификационной лестнице, они *опережают* по статусу тех, кто находится во втором эшелоне, то есть в предшествующей фазе потребительской гонки.

Перечень замещения базовых понятий социологии актуальными концептами можно при желании продолжить. Но более важным представляется обобщающий вывод: концепция потоковых структур отменяет неактуальную конфигурацию "*агентности - структуры*" и меняет модную в последние годы конфигурацию "*интеракции - сети - институты*". Эти аналитические континуумы с введением идеи потока трансформируются в аналитическое поле - матрицу. В аналитическом поле актуальной социологии (рис. 1) различные типы структур выступают в качестве различных форм координации, и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне абсолютной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, относительной социальности сетей, потоки предстают как феномены антисоциальные или альтерсоциальные.

Институты традиционно остаются наиболее комфортным предметом для социологии, так как являются идеально социальными структурами. Они интегрируют множество индивидуальных объектов в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счет постоянных и единых для всех норм.

Интеракции, хотя и образуют предмет социологии, являются не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность, и их координация гарантируется не нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения

² От англ. *down* - вниз и *shift* - сдвиг.

ОСНОВА ТРАНСАКЦИЙ

ГАРАНТИИ ТРАНСАКЦИЙ	КОНТРАКТАЦИЯ	ОРГАНИЗАЦИЯ
СТИМУЛЫ	РЫНОК	ПОТОК
КОНТРОЛЬ	СЕТЬ	ИЕРАРХИЯ

Рис. 2. Аналитическое поле для сверхнового институционализма

в зависимости от того, как прочитывают (просчитывают) действия и атрибутику друг друга.

Сети не являются серединой континуума между нормативностью институтов и креативностью интеракций. Внутри сети координация может обеспечиваться нормативностью даже более жесткой, чем институциональная. Но социальность сетей при этом относительна, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а селекция тех из них, которые идентифицируются как "свои" на фоне "остальных". *Потоки* представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением *через* границы нормативности - генерированием новых трендов, ивентов, проектов и т.д. Потоки за счет такой креативности создают даже больше структурности, чем институты, интеракции или сети. Однако структурность эта базируется на направленности и интенсивности изменений и движений. Поточковые структуры не являются социальными в привычном смысле интегрированности и нормативности. Поэтому явления, предстающие как антисоциальные (гламур) или альтерсоциальные (сверхновые движения), адекватно описываются именно как потоковые структуры. Разработка теории потоковых структур может быть продуктивной не только в социологии. Например, в таком смежном направлении, как неонституциональная теория в экономике, концепция потоков существенно меняет конфигурацию предмета анализа. Оформившийся аналитический континуум "*рынок - сеть - иерархия*" при включении в рассмотрение потоков трансформируется в матрицу типов координации трансакций (рис. 2).

Рынок - это структура трансакций, базирующихся на ситуативном заключении контрактов и гарантированных стимулами как фиксированными прямыми выгодами. Иерархия - структура трансакций, базирующихся на следовании принятым правилам и гарантированных контролем исполнения членами организации должностных обязанностей. Сеть здесь предстает как структура трансакций, базирующихся на контрактации и гарантированных взаимным контролем участников сети. Поточковые структуры поддерживают трансакции, которые основываются на следовании скорее не рутинным правилам, а принципам и лидерскому видению, культивируемым в организации, и которые гарантируются прямыми выгодами - стимулами для креативных и динамичных членов организации. В качестве потоковых структур могут рассматриваться проектно-ориентированные организации, организационные тренды, а также организации-ивенты в исполнении "пиратов" и иных "партизан" бизнеса.

Актуальность метафоры "поток" и эвристичность концепции потоковых структур нарастают по мере того, как постмодернистская фрагментация, анклавная глобализация [Иванов, 2008b], развитие сетевых структур создают множественные различия условий. В результате возникает все большее число градиентов, по которым устремляются потоки мигрантов, товаров, потребителей, рабочей силы, капиталов, техно-

логий, информации и т.д. Следствием этого является волатильность³ социальных структур. Там, где через них проходят градиенты, они теряют устойчивость и эффективность, "размываются" и "сносятся" плотными и интенсивными потоками. Зато там, куда устремляются потоки, возникает "бум" построения структур.

Очевидная волатильность социальных структур воспринимается как симптом триумфа агентности "на могиле" детерминизма [Joas, 1997]. Однако в условиях множественных и интенсивных градиентов агентность также является волатильной. По направлениям, заданным градиентами гламурности и альтерсоциальности, творческая активность "вымывается" из традиционных зон социальности, где господствуют инертность, зависимость и клиентизм, и "втягивается" в виде креативности в потоковые структуры, создающие глэм-индустрии, бренд-сообщества, альтерсоциальные движения и т.п.

Представленные в статье идеи и концепты нельзя рассматривать в качестве собственно теории. Скорее это лишь элементы теории потоковых структур, разработка которой является перспективной задачей и актуальной альтернативой той доминирующей в академическом сообществе ритуальной социологии, которая теоретизирование сводит к выбору между креативностью акторов и детерминизмом структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов Д. В.* Гламурный капитализм: логика "сверхновой" экономики // *Вопр. экономики*. 2011. N7.
- Иванов Д. В.* Глэм-капитализм. СПб., 2008а.
- Иванов Д. В.* Социология: теория и история. СПб., 2006.
- Иванов Д. В.* Структурные парадоксы глобализации и логика глэм-капитализма // Тезисы III Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2008b (http://www.isras.ru/abstract_bank/1208494954.pdf).
- Appadurai A.* Disjunctive and Difference in the Global Cultural Economy // *Global Culture: Nationalism, Globalization, and Modernity*. London, 1990.
- Appadurai A.* *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.
- Baudrillard J.* *Simulacra and Simulation*. Ann Arbor, 1994.
- Castells M.* *The Rise of the Network Society*. Second Edition. Oxford, 2000.
- Coleman J.* *Foundations of Social Theory*. Cambridge (MA), 1990.
- Granovetter M.* The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // *Sociol. Theory*, 1983. N 1.
- Henry P.* Occupational Status and a Gradient of Perceived Limitations // *Journal of Sociology The Australian Sociological Association*, 2003. Vol. 39(2).
- Joas H.* *The Creativity of Action*. Chicago, 1997.
- Knorr Cetina K., Preda A.* The Temporalization of Financial Markets: From Network to Flow // *Theory, Culture & Society*, 2007. Vol. 24 (7 - 8).
- Lash S., Urry G.* *Economies of Signs and Spaces*. London, 1994.
- Bauman Z.* *Liquid Modernity*. Cambridge, 2000.
- Latour B.* On Interobjectivity // *Mind, Culture, and Activity*. 1996a. Vol. 3. N 4.
- Latour B.* On actor-network theory. A few clarifications // *Sociale Welt*. 1996b. Vol. 47. N 4.
- Latour B.* *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford, 2005.
- Lyotard, J. -F.* *The Postmodern Condition*. Manchester, 1984.
- McDonough P., Williams D., House J., Duncan G.* Gender and the Socioeconomic Gradient in Mortality // *Journal of Health and Social Behavior*, 1999. Vol. 40. N 1.
- Pampel F. C.* Inequality, Diffusion, and the Status Gradient in Smoking // *Social Problems*, 2002. Vol. 49. N1.
- Powell W.* Neither Market Nor Hierarchy: Network Forms of Organization // *Research in Organizational Behavior*, 1990. Vol. 12.
- Shields R.* Flow as a New Paradigm // *Space and Culture*, 1997. N 1.
- Urry J.* *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. L., N.Y., 2000.
- Williamson O.* *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. N.Y., 1985.

³ От англ. *volatility* - непостоянство, изменчивость.